

19 июля – 115 лет со дня рождения Марии Дмитриевны Ковригиной (1910-1995), врача и организатора советского здравоохранения, доктора медицинских наук (1945), профессора (1950), заслуженного врача РСФСР (1960).

М.Д. Ковригина родилась 23 июня (6 июля) или 6(19) июля 1910 г. в крестьянской семье в селе Троицком Катайской волости Камышловского уезда Пермской губернии.

В 1922 г. окончила Троицкую 4-летнюю школу, затем училась в катайской школе-семилетке, окончив 6 классов. В 1924 г. вступила в комсомол, руководила пионерским отрядом в селе Троицком. С мая 1926 г. обучалась на окружных курсах работников детских домов в Шадринске, а по окончании учёбы стала председателем бюро юных пионеров; организовала первый в районе пионерский лагерь. В 1926-1927 годах работала в райкомах ВЛКСМ в сёлах Катайском и Далматово, была секретарём комсомольской организации. В 1927 г. в Далматово завоевала первую премию на конкурсе чтецов-декламаторов. С декабря 1929 г. по январь 1931 г. была членом правления сельскохозяйственной артели «Боец» в родном селе.

В январе 1931 г. по рекомендации комсомольской организации поступила на 3 курс медицинского рабфака в Свердловске, в декабре 1931 г. вступила в ВКП(б). В том же году с отличием окончила вечернее отделение рабфака и была принята в Свердловский медицинский институт – окончил в 1936 г. окончила по специальности «врач-лечебник». За время учёбы была комсомольским секретарём курса, секретарём Комитета ВЛКСМ института.

При этом желание стать врачом пришло к Марии Дмитриевне не сразу. В детстве девушки грезила совсем о другом: «Моя голубая мечта была, – вспоминала Ковригина, – стать переездной сторожихой. Наш дом стоял рядом с переездом через железнодорожное полотно. На нём несла дежурство сторожиха Матрёна. Завидев поезд, она должна была остановить движение через переезд. Но поезда ходили редко, и Матрёна имела много свободного времени. Я завидовала Матрёне, думала: сколько же можно прочитать книг на её работе?»

Книги девушка поглощала запоем: «Читать я могла в любом положении и даже во время ходьбы, не сбавляя шага». Её увлекал не столько сюжет, сколько характеры героев. Особенно нравились ей «правдорубы», борцы за справедливость, готовые к самопожертвованию. Подлые и бесчестные натуры вызывали не столько гнев, сколько желание бороться с ними, помогать себе и другим. Это показательный момент: всю жизнь Мария Дмитриевна активно защищала интересы подопечных, не боясь неприятностей, грозящих ей «сверху».

В юности Ковригиной было интересно всё: мечта стать сторожем на железной дороге сменилась желанием работать на тракторе, затем – попыткой выучиться на агронома. Энтузиазм девушки заметили в местной комсомольской ячейке. В 14 лет Марию приняли в ВЛКСМ и сделали пионервожатой: «Мои комсомольские годы представляются необыкновенно бурным, стремительным потоком, который не мог быть остановлен ни на один день, ни на один час».

Комсомольцы организовывали избы-читальни, первые детские сады и ясли, выходили на субботники. Ковригина рассказывала также о том, как они старались отвлекать сельскую молодёжь от хулиганства и пристрастия к выпивке: «Мы организовали самодеятельный молодёжный ансамбль под названием “Красная рубаха”. Малограмотные батраки и батрачки успешно выступали, раскрывали свои природные таланты. Чтобы привлечь в комсомол девушек, искали новые формы работы, которые были близки им. Так возникали “красные посиделки”, “вечера молодых прях”».

Через несколько лет пришлось, наконец, решить, на кого идти учиться. Желание помогать другим пересилило мечты о железной дороге, книжках и тракторах. «Уж очень мне хотелось помочь деревенским бабам – облегчить их тяжёлую участь хотя бы тем, чтобы спасать их от болезней», – вспоминала Мария Дмитриевна.

Во время учебы в институте в мае 1934 г. Марию Дмитриевну и двух её сокурсниц отправили в деревню Дуброво, что сейчас находится в Пермском крае. Местных жителей косила неизвестная болезнь – температура поднималась выше 40 градусов, горлом шла кровь, а воздух в больнице, где лежали пациенты, по словам Ковригиной, был пропитан «сладковато-гнилостным запахом»: «Пожилой врач, медсёстры и няни были одеты чуть ли не в противочумные костюмы».

Марии Дмитриевне поручили каждый день обезжать соседние деревни, выявлять больных. Смертность была высокой, и администрация больницы скрывала реальное число заболевших. Возчик останавливался, не доеzzая до места – приходилось идти до деревни пешком и тайком обходить избы, чтобы не устраивать переполох. Причиной «септической ангины» – такое название получил новый недуг – стал элементарный голод. Люди ели зёрна перезимовавших под снегом пшеницы, ржи, проса и других зерновых, которые были заражены грибком. К сожалению, в воспоминаниях Ковригина не уточняет, что помогло справиться с недугом: поставка качественной еды в деревню или просто разъяснительные беседы с людьми. Так или иначе, заболеваемость вскоре снизилась, а затем и вовсе прекратилась.

После окончания медицинского института по путевке Наркомздрава М.Д. Ковригина была направлена в городскую больницу Челябинска врачом-ординатором, но руководством Облздравотдела оставлена в аппарате на должности лечебного инспектора и заместителя начальника лечебно-профилактического отдела, где проработала до февраля 1940 г. С октября 1939 г. по июль 1941 г., после окончания курсов в Казанском институте усовершенствования врачей им. В.И. Ленина, работала по совместительству в

городской больнице врачом-невропатологом. С февраля 1940 г. – инструктор, затем руководитель отдела кадров народного образования и здравоохранения Челябинского обкома ВКП(б).

После начала Великой Отечественной войны, с 3 июля 1941 г. работала в должности заместителя председателя исполнительного комитета Челябинского областного совета депутатов трудящихся по вопросам здравоохранения, народного образования, социального обеспечения и культуры; также отвечала за создание эвакогоспиталей, приём и размещение

эвакуированных, в том числе из вспоминаю необыкновенно холодную, лютую зиму 1941/42 года. Ночь, четыре часа. Челябинский вокзал. Трескучий мороз. Под ногами звенит застывший перрон. На втором пути стоит длинный тёмный, с тщательно затворёнными окнами поезд. Он привёз ленинградских ребят. Идём по вагонам, до отказа забитым детьми, они лежат по двое на каждой полке. Но почему-то не спят и не по-детски серьёзно... очень строго смотрят на нас, незнакомых людей. В вагонах удивительно тихо. А когда в одном месте собрано много детей, и они молчат – это уже как-то противоестественно, и тебе становится немного жутковато».

Немалую часть прибывших детей приходилось размещать в домах колхозников. Впрочем, «приходилось» – не совсем уместное здесь слово. По воспоминаниям Ковригиной, люди сами брали в семью сирот: на патронат – пока не найдутся родители – или на совсем. «Я хорошо помню замечательный поступок 19-летней девушки Тоси Крыловой. Она работала бухгалтером на станции Челябинск. Ещё тогда, когда приходили первые эшелоны с эвакуированными детьми, Тося твёрдо решила взять на воспитание ребёнка. Она выбрала самого хилого, самого маленького мальчика – Вову. Недоумевающим родным и знакомым Тося отвечала: “Хороших-то все любят, а кто таких полюбит?”». За спасение детей, эвакуированных из Ленинграда, Мария Дмитриевна, ни разу не побывавшая в войну в городе на Неве, была награждена медалью «За оборону Ленинграда».

С 22 сентября 1942 г. М.Д. Ковригина – заместитель наркома (с марта 1946 г. – министра) здравоохранения СССР; руководила отделом акушерско-гинекологической помощи и управлением лечебно-профилактической помощи детям, отвечала за восстановление сети учреждений здравоохранения на освобождённой территории. Как заместителю наркома, Марии Ковригиной выделили квартиру в знаменитом Доме на Набережной (ул. Серафимовича, 2). Здесь она поселилась со своей дочерью Таней и двоюродной сестрой Марией Дедюхиной, которая выполняла работу секретаря и помогала по хозяйству. В 1944 г. к маленькой семье присоединилась 12-летняя Светлана – дочь брата Ковригиной Ивана, погибшего на войне. Ковригина воспитала ее как свою.

По инициативе М.Д. Ковригиной в октябре 1942 г. Совнарком СССР принял специальное постановление «О мероприятиях по улучшению работы органов Наркомздрава и детских учреждений по медицинскому обслуживанию детей и усилению питания нуждающихся детей». Контролировать выполнение постановления поручили Марии Дмитриевне.

Врачей и среднего медперсонала катастрофически не хватало: молодых и здоровых забрали на фронт, а на тех, кто остался, легла огромная нагрузка. Вскоре при участии М.Д. Ковригиной было подготовлено решение о введении должностей городского и районного педиатра. В западные районы страны возвращались медики, эвакуированные в начальный период войны, была мобилизована часть опытных медработников из лечебных учреждений Урала и Сибири. Значительно расширилась сеть здравоохранения в сельской местности, особенно в последние годы войны. Усилия Ковригиной не прошли даром: так, в 1946 г. младенческая смертность, по сравнению с довоенным 1940 г., уменьшилась почти наполовину.

С 2 декабря 1950 г. – министр здравоохранения РСФСР. В феврале 1951 г. избрана депутатом Верховного Совета РСФСР. Член ЦК КПСС с октября 1952 г. С февраля 1953 г. – первый заместитель министра здравоохранения СССР. С 1 марта 1954 г. по 12 января 1959 г. – министр здравоохранения СССР. В марте 1954 г. избрана депутатом Совета национальностей Верховного Совета СССР от Коми АССР. В феврале 1956 г. на XX съезде КПСС повторно избрана членом ЦК КПСС.

По словам дочери Татьяны, высокая должность министра здравоохранения не приносила матери особой радости, скорее, наоборот: «У мамы не было никакого выбора, отказы в то время не принимались. Хотя она никогда не хотела быть ни министром, ни членом ЦК, ни депутатом Верховного Совета». Мария Дмитриевна

Ковригина особенным министром – замкнутым, не пользующимся причитающимися благами, скромно одевающимися: «Мама никогда не думала о материальных благах. В школе я одевалась хуже всех. У меня было всего одно выходное платье для театра и одно будничное. Мама тоже одевалась скромно. Хотя обшивали её в спецателье Совета министров СССР. Также она никогда не носила украшений. После смерти Сталина маме предложили приобрести дачный участок за какие-то смешные деньги, но она отказалась. Правительственной машиной с “мигалками” она пользовалась только в крайних случаях».

Зато женщина-министр не стеснялась открыто говорить о том, про что другие предпочитали молчать. Так, в апреле 1954 г. на сессии Верховного Совета СССР она выступила с острой критикой деятельности сотрудников Минздрава на местах: «В ряде больниц больные размещены в коридорах. Сотни матерей не могут поступить на работу только по той причине, что нет

возможности поместить ребёнка в ясли... Мы не можем полностью укомплектовать учреждения здравоохранения как врачами, так и средними медицинскими работниками. Число врачей на селе вследствие большой текучести не увеличивается. Министерство здравоохранения СССР всё ещё не обеспечивает полностью лечебные учреждения и население очень важными медикаментами».

В 1957 г. на сессии Верховного Совета СССР М.Д. Ковригина рассказала об истинном положении дел с туберкулёзом – проблеме, которая в стране долгое время замалчивалась, фактически обвинив государство в легкомысленном отношении к заболеванию: «Иные рассуждают, что туберкулёз не так опасен, как рак, который трудно лечить, и не так опасен, как заболевания сердечно-сосудистой системы, при котором смерть может наступить внезапно». Вскоре приняли решение, по которому больным активной формой туберкулёза разрешалось длительное лечение в стационарах – от 6 до 12 месяцев. Противотуберкулёзные препараты больным стали выдаваться бесплатно. За больными закреплялись определённые льготы и право на отдельную жилплощадь.

М.Д. Ковригина активно продвигала разрешение абортов с СССР. В качестве аргументов она приводила печальную статистику смертности от подпольных абортов, рассказывала о жутких случаях, когда женщины вводили внутриматочно водку, йод, марганец, хну, делали вливание мылом и содой, что вело к нарушению деятельности центральной нервной системы и поражению печени. Из докладов Марии Дмитриевны: «Большинство женщин после криминального аборта погибают в первые сутки от сепсиса. Коек не хватает, лихорадящих больных кладут на пол. Ни пенициллин, ни стрептомицин не помогают. Очень страшно, когда знаешь, что спасти женщину нельзя, а у неё остаются сиротами дети двух-трёх лет, которых мы приводим к её постели проститься».

За время работы в органах управления здравоохранением М.Д. Ковригина добилась:

- подписания указа Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене запрещения абортов» (1955);
- подписания указов о материальной помощи многодетным и одиноким матерям, о присвоении званий «Мать-героиня», о награждении орденами «Материнская Слава», медалями материнства;
- увеличения отпуска по беременности и родам до 112 календарных дней (1956);
- установления длительности лечения больных туберкулёзом в специальных диспансерах до одного года, определения для них льгот и права на отдельную жилплощадь;

М.Д. Ковригина инициировала организацию научной экспедицию с целью проверки уровня радиации на территориях, близких к ядерным полигонам: «Радиация проклятая. Я ведь своими глазами видела, как она убивает. От лучевой болезни умирал первый “атомный министр” Малышев/

Мучительно. Я приходила к нему в палату, а он криком кричал: “Ковригина, ну сделай же что-нибудь!” А что я могла сделать? Только расплакаться».

С результатами исследований были ознакомлены члены секретариата ЦК КПСС. Мария Дмитриевна сообщала: «Был определён возраст продуктов деления, загрязняющих атмосферу. Установлено, что они произошли от взрывов, проведённых в 1954–1955 годах». На сообщение Ковригиной в ЦК отреагировали негативно. Н.С. Хрущёв возмущался: «Ковригина незрелый коммунист. Я ей не доверяю. Она говорит, что людям на голову сыплются тонны золы и пыли, отравляющие воздух и воды». Хрущев вызвал Марию Дмитриевну «на ковёр», где она заявила: «Если Президиум ЦК КПСС мне не доверяет, вопрос решается очень просто». Хрущёв был в ярости, но уволить её не решился. Данные, предоставленные Ковригиной, сыграли свою роль: испытания ядерного оружия стали проводиться только на специальных полигонах: на Новой Земле, в пустынных районах Казахской ССР и под землёй.

«Последней каплей», приведшей к опале министра, стали события 1958 г., когда Мария Дмитриевна замахнулась на оплот номенклатурной медицины – Четвёртое управление, которое лечило в больницах и обслуживало в санаториях видных партийцев и членов их семей, а также почётных гостей из других стран. В записке от 13 декабря 1958 г. Ковригина докладывала о плачевном состоянии общественных больниц, сравнивая их с престижными учреждениями для властей имущих: «В общей больнице один врач ведёт 15-30 больных, круглосуточный пост медицинских сестёр и санитарок устанавливается на 15-40 коек. В лечебных учреждениях Четвёртого управления один врач ведёт 5-8 больных, а круглосуточные посты медицинских сестёр и санитарок устанавливаются на 10-15 коек. Нормы приёма больных врачами в поликлиниках общей медицинской сети в 2-2,5 раза выше норм, существующих в поликлиниках Четвёртого управления».

Кроме того, Ковригина предлагала сократить расходы на питание в элитном санатории «Барвиха» и других больницах и санаториях для аппаратчиков на 10–15 рублей — почти на треть. При этом Мария Дмитриевна отмечала, что в обычных больницах Москвы на питание отпускается чуть более восьми рублей. Также министр здравоохранения говорила о необходимости сократить штат учреждений Четвёртого управления почти на 500 человек. Требования министра были выполнены. Разумеется, многие партработники были крайне недовольны такими преобразованиями. Группа руководителей Украины и Молдавии даже направила Брежневу письмо с просьбой восстановить прежний порядок санаторного обслуживания, а в начале 1960-х гг. всё вернулось на круги своя.

Это произошло уже без участия Марии Дмитриевны – в январе 1959 года её освободили от должности министра здравоохранения «в связи с переходом на другую работу». В 1959–1986 гг. – директор, ректор Центрального института усовершенствования врачей.

М.Д. Ковригина была членом пленума и Президиума Комитета советских женщин, членом исполкома Союза обществ Красного Креста и

Красного полумесяца СССР, членом ЦК профсоюза медицинских работников. Была делегатом I и II Международных конгрессов женщин, сессий и семинаров Всемирной организации здравоохранения, дипломатической конференции по пересмотру конвенций о защите жертв войны. Марию Ковригину хорошо знали за пределами СССР. Когда в 1958 г. СССР посетила королева Бельгии Елизавета, именно Ковригина сопровождала ее в поездке по стране. После этого две женщины переписывались вплоть до смерти королевы в 1965 г. Кроме того, Мария Ковригина дружила с Индией Ганди и Элеонорой Рузвельт.

С августа 1986 г. – персональный пенсионер союзного значения. «Мама была предана советской власти до последних дней», – рассказывала дочь Ковригиной. С этим сложно не согласиться: автобиография бывшего министра, изданная перед самым началом эпохи гласности, в 1985 г., – это «идеологически правильная», местами суконная, но, кажется, очень искренняя исповедь человека, который действительно «болел» за своё дело, отдаваясь ему целиком. Уже будучи на пенсии, Мария Дмитриевна так сформулировала в разговоре с дочерью свое главное жизненное кредо: «Никогда не лгала, не искала легких путей, всегда любила людей».

Заслуги Ковригиной отмечены высокими государственными наградами. Она была удостоена орденов Ленина, Октябрьской Революции, трёх орденов Трудового Красного Знамени, ордена «Знак Почёта» и медалей, в том числе двух золотых медалей ВДНХ СССР, а также Командорского Креста ордена «Возрождение Польши».

М.Д. Ковригина умерла 12 марта 1995 г.; похоронена на Кунцевском кладбище, ныне в муниципальном округе Можайский Западного административного округа Москвы.